

Глава 317: Я древнейшая божественная птица!

Можно сказать, что без этого сокровища культивация Мэн Хао никогда бы не достигла тех высот, которых ему удалось достичь. Без зеркала у него бы не вышло добраться до Южного Предела или присоединиться к секте Пурпурной Судьбы. Он бы до сих пор жил в государстве Чжао и летал бы со старой черепахой Патриархом Покровителем где-то у черта на куличках.

Перед глазами Мэн Хао калейдоскопом проносились воспоминания. Сколько всего произошло, с тех пор как он добыл медное зеркало, которое так любило источать пугающую ауру при виде существ с мехом или перьями. Не стоит забывать и про противостоящую воле Небес способность к дублированию. И странное отвращение холодца, которое привело к тому, что он принял форму несмолкающего и вечно причитающего попугая. Мэн Хао вспомнил о событиях турнира за Наследие Кровавого Бессмертного и о том, как он чуть было не надел кровавую маску. Стараниями Патриарха клана Ли он чуть было не лишился рассудка. Если бы не птичий крик из медного зеркала, ему бы не удалось избежать катастрофы. Не забыл он и про древнюю Обитель Богов, когда могущество медного зеркала помогло ему войти внутрь квадратного треножника, несмотря на отсутствие в его жилах древних линий крови.

Сразу по достижении стадии Создания Ядра он почувствовал пробуждающуюся ауру внутри медного зеркала.

— Попугай... — сказал он с блеском в глазах.

Его Пурпурное Ядро начало вращаться и втягивать в себя силу культивации. Управляя ей своей волей, он послал её через руку прямоком в зеркало. Зеркало окружило таинственное свечение, которое начало постепенно усиливаться. Внезапно из кровавой маски вылетел холодец. На его поверхности проступило привычное лицо старика. Он посмотрел на зеркало со смесью упрямства, решимости и серьезности, словно готовясь встретить своего заклятого врага. В глазах старика горело фанатичное пламя, будто холодец был на грани священной войны, которая предрешит судьбу звезд.

— Заклятый враг, ты наконец-то появился, — нараспев, словно молитву, произнес он. — Я ждал этого дня очень, очень долго. В этот раз первым, кого ты увидишь после своего пробуждения, буду я! На сей раз я точно наставлю тебя на путь истинный. Я сверну тебя с кривой дорожки порока и греха.

Сейчас холодец почему-то выражался не так цветасто, как обычно. Его привычный, беззаботный тон постепенно сменялся на серьезный, лекторский тон. Не обращая внимание на болтовню холодца, Мэн Хао концентрировал свою культивацию и посылал ее непрерывным потоком в медное зеркало, которое казалось какой-то бездонной дырой. Спустя какое-то время Мэн Хао посылал уже шестьдесят процентов культивации. Именно в этот момент зеркало ярко вспыхнуло. На его медной поверхности возник размытый призрачный образ.

— Давай, мой заклятый враг! — торжественно произнес холодец. — Выходи! Судьбой нам написано сразиться в этой битве. Выходи! Эм... — попросил он, повернувшись к Мэн Хао, — ну-ка поднатужься. Он почти вышел!

Слова холодца заставили Мэн Хао кое-что вспомнить. В действительности его главной целью по вызову духа из зеркала было желание разобраться с холодцом. Возможно, ему удастся утихомирить этот словесный рог изобилия. Он тяжело вздохнул и послал внутрь еще больше силы культивации. Семьдесят процентов, восемьдесят, девяносто...

Образ на поверхности зеркала прояснился. Теперь четко виднелись очертания птицы с

разноцветными, даже пестрыми перьями. У спящей птицы был изогнутый клюв и острые когти. Странно, но внешне она не выглядела столь уж пошло и развратно, как это демонстрировал своей формой холодец-попугай. Вместо этого птицу окружала аура нестерпимого, необузданного высокомерия. Даже во сне его аура волнами била в лицо Мэн Хао.

— Какая злодейская аура, — воскликнул дрожащий холодец. — Это она! Это его аура. Внешность точь-в-точь как у него! Это мой заклятый враг. Его обращение — моя главная цель в жизни!

Холодец кричал, словно священник, готовящийся сразиться с дьяволом. Мэн Хао внезапно почувствовал слабость внутри. Это его слегка встревожило. Возможно, будить запечатанный дух было не самой лучшей идеей сразу после восстановления от тяжелых ран. Если сейчас нагрузка опять его ранит, то он не сможет продолжить посылать в зеркало необходимое количество духовной энергии. Иначе его раны лишь усугубятся.

Время шло. Когда в медное зеркало начала вливаться практически вся культивация Мэн Хао, изнутри внезапно раздался пронзительный крик. В этом звуке отчетливо слышалось запредельная надменность и колоссальное эго. Такой звук мог заставить любое живое существо склонить голову в благоговейном трепете.

Вместе с пронзительным криком попугай в зеркале неожиданно открыл глаза. Следом зеркало вспыхнуло яркой вспышкой и аурой, похожей на ту, что была у Бессмертного Ци. Она заполнила всю пещеру Бессмертного. Поначалу глаза окруженного древней аурой существа ничего не выражали, в следующую секунду в них вспыхнул горделивый блеск. Внешне существо выглядело как маленькая птичка, но одного взгляда на нее хватало, чтобы понять, что перед тобой существо, способное надвое рассечь Небеса и Землю. Даже воздух, казалось, стал плотнее. Холодец взвыл, правда по его вою сложно было судить, рад он или взбешен. Он мгновенно оказался рядом с попугаем и посмотрел ему в глаза.

— Посмотри на меня, мой заклятый враг. Узнаешь меня?

Попугая презрительно заглянул холодцу в глаза. Он горделиво поморщился, наклонил голову и посмотрел на Мэн Хао. Тот в ответ не проронил ни звука. Он лишь отступил на пару шагов, восстанавливая культивацию, не сводя при этом глаз с попугая и холодца. Исходя из предыдущего опыта общения с холодцом, он решил, что наилучшей стратегией будет отстраниться и поначалу понаблюдать за происходящим.

Холодец яростно взвыл, а потом опять встал перед лицом попугая, заблокировав ему обзор. Холодец опять уставился на попугая и с нескрываемой враждебностью сказал:

— Мой извечный враг, Небеса открыли свои очи и позволили нам встретиться вновь. Ты само зло! Само бесстыдство! Скажи мне, не молчи, ты помнишь меня? — цвет холодца сменился на стальной синий, и он воскликнул: — Отвечай! Почему ты молчишь?! Ты гнусная, пошлая птица! Почему ты не отвечаешь?!

Он ждал столько лет, но попугай перед ним не отзывался. А потом.

— Имел я твою сестру! Ты что больной, сука? — нетерпеливо заклекотал попугай.

В эту же секунду глаза холодца ярко заблестели. Такая реакция соответствовала тому, что он помнил.

— Проклинать других людей неправильно, — серьезно отругал его холодец, — ты опять

согрешил!

— Имел я твою бабулю и твою другую бабулю, и твою тетку, и твоего дядю и твоих внуков! И твою сестру я тоже имел, сука! — попугай медленно чеканил фразу за фразой, совершенно не обращая внимание на дрожь холодца.

Он для пробы несколько раз взмахнул крыльями, а потом поднялся в воздух и сделал несколько кругов по пещере Бессмертного. После чего приземлился на плечо Мэн Хао и высокомерно смерил его взглядом.

— Итак, ты мой хозяин в этом мире? Запомни, меня зовут Лорд Пятый. Я древнейшая божественная птица. После моего рождения меня чтили и мне поклонялись. Даже Небеса склонили свою голову предо мной. До моего рождения ни одно живое существо не носило одежды. После моего рождения кто посмел бы этого не делать? До меня ни одно духовное существо не имело ни меха, ни перьев. Мое рождение породило великое желание, посему под Небом и Землей стали нужны мохнатые и пернатые звери. После этого какая тварь посмеет не отрастить мех или перья?! Я позволяю звать меня по имени, — высокомерно заявил он. — Стоит прозвучать имени Лорд Пятый, как все живые твари тотчас в страхе падут ниц. Никто не посмеет оскорбить тебя. Всё потому, что во всем мире, под и над Небесами, если кто-то дерзнет меня оскорбить, я затрахую его до смерти!

Его властную ауру невозможно было не почувствовать. Однако... на лице Мэн Хао возникло странное выражение. Всё, что он видел, так это обычную, пеструю, хвастливую птицу. Слева подал голос холодец:

— Бахвалиться бесстыдно! Ты опять согрешил! Я обращаю тебя!

Воспылав аурой справедливости, он рванул к попугаю. Стоило ему приблизиться, как попугай презрительно скривился, его высокомерие стало еще отчетливей, словно он был владыкой всего сущего, а Небеса лишь его подручными. Взглянув на холодца, он сказал:

— Много лет назад на Огненной Горе могучее существо переплавило для меня Млечный Путь в статую. Хочешь знать почему? Давным-давно глубоко в Звездном Море я заставил тридцать тысяч девственных монашек Великого Мира искупаться нагишом, дабы усладить мой взор. Знаешь, почему они согласились? Неисчислимое множество лет назад кто был главным задирой среди звезд? Ты еще не забыл толстяка, который в тот раз тебя изловил, а потом вынужден был низкопоклонничать предо мной сто тысяч лет? Хочешь знать, где он сейчас? Хочешь узнать, как считать дальше, чем "один, два, три"?

Попугай говорил очень медленно, отчего холодец перестал дрожать. Когда попугай закончил, холодец безмолвно смотрел на него глазами, полными борьбы. Однако ему, похоже, удалось на время справиться с собственным любопытством. Попугай одарил холодца взглядом, преисполненным гордыней.

— Если хочешь знать, тогда тебе стоит вести себя с Лордом Пятым поуважительней. Сука, я не видел тебя столько лет, но ты до сих пор ведешь себя как полный кретин!

Понаблюдав за их общением, Мэн Хао внезапно осознал, как попугай сумел совладать с холодцом. Неуемное любопытство холодца было его главной слабостью. Несмотря на это, Мэн Хао показалось, что характер попугая слегка отличался от описания холодца. Он не чувствовал никакой пошлости, лишь необузданное высокомерие. В этот момент попугай внезапно щелкнул клювом и с подозрением огляделся. Он взмыл в воздух и сделал еще несколько кругов по пещере Бессмертного.

— Э-э-эй? — протянул он с подозрением. — Что-то не так. Что за запах?

Это просто не могло не разжечь любопытство холодца, поэтому он тоже начал неуверенно оглядывать пещеру. Когда он увидел, как попугай к чему-то принюхивается, то сразу же превратился в большую белую собаку и начал обнюхивать каждый угол, виляя при этом хвостом.

— Что за дела? — спросил холодец, обнюхав пещеру. — Я ничего не чувствую! Ты уверен, что запах есть? — добавил он, с интересом покосившись на попугая.

— Ты ни черта не знаешь! Неважно, в кого ты превратишься, даже собакой ты ничего не учуешь. Я древнейшая божественная птица, высокочтимая под всеми Небесами! У этой черной земли чудная аура. Хо, я сразу понял, что это. Поразительно! Невероятно! Ах, теперь то я понял, что здесь творится.

Надменное выражение на его морде создавало впечатление, что он понимал всё, что происходило под Небом и Землей. Лицо холодца скривилось, и он затрясся от распираемого его любопытства. Похоже, ни одна из его форм не могла почувствовать упомянутую попугаем ауру. Мэн Хао наблюдал за всем со стороны. Услышав их разговор, он не мог не вспомнить слова, произнесенные Нефритом Заклинания Демонов после пересечения границ Черных Земель.

— Что такого особенного в этом месте? — спросил Мэн Хао небрежно.

Попугай повернулся к нему, всем видом показывая, что древняя божественная птица не снизойдет до объяснений. Он опять начал летать по пещере, смотря на остальных с нескрываемым высокомерием, словно под Небом и Землей не было никого, кто бы мог с ним сравниться. Мэн Хао нахмурился и невозмутимо сказал:

— Хвастаться любой может. Если не знаешь ответа, то так и скажи, не надо притворяться.

Он был практиком стадии Создания Ядра. На пути становления могущественным экспертом, особенно после пережитого в Пещере Перерождения, он мог говорить совершенно монотонным голосом, при этом скрывая малейшее недовольство и проецируя ауру полнейшей уверенности в себе. От его слов попугай застыл прямо в полете. Его пестрые перья встали дыбом, он оскорбленно посмотрел на Мэн Хао и сказал:

— Это я-то не знаю? Я древнейшая божественная птица. Я владею величайшей мудростью Бессмертных и знаниями мира смертных! Ты думаешь есть вещи, о которых не знает Лорд Пятый? Я знаю всё!

— Ну-ну, хвастовство никого не красит, — протянул Мэн Хао, почувствовав, как сердце начало биться быстрее, а в глазах вспыхнул странный свет.